

продолжается. Вторая мировая война в Гуверовском институте представлена в коллекциях из самых разных регионов, включая не только Европу и США, но и Китай, Японию и Новую Зеландию. Часть документов посвящена положению на территории Советского Союза в годы войны, в том числе много источников о судьбе перемещенных лиц (остарбайтеров) в ходе Второй мировой войны. В ходе обсуждения выступления больше всего вопросов вызвали практические аспекты работы в учреждении, особенно в условиях пандемии. Шмелев отметил, что ряд материалов архива доступен онлайн, и в целом представление о коллекциях можно получить, воспользовавшись сайтом института⁶.

Таким образом, конференция отразила многообразие подходов к изучению войны, а также доступных архивных материалов и источников личного происхождения для изучения советской повседневности этого периода. Однако поиск новых архивных источников и интерпретаций продолжится.

Людмила Лягушкина, Елизавета Хатанзейская

Эстетика коммунизма. Современные прочтения*

Международная научная конференция
«Эстетика коммунизма: Теории и институции»
(ИМЛИ РАН, Венецианский университет, 1–3 октября 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_412

В октябре 2021 года в онлайн-формате прошла международная научная конференция «Эстетика коммунизма: Теории и институции», организаторами которой выступили Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Венецианский университет (Università Ca' Foscari Venezia). Конференция была посвящена институциональным измерениям советской литературы, взаимодействию советских эстетических теорий с марксистской оптикой и теоретическому осмыслению истории советских литературных институций. Мероприятие прошло в рамках проекта ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»

Темой первой сессии конференции стали ранние советские эстетические теории и марксизм. Заседание открыл доклад *Ильи Калинина* (СПбГУ) «*Русский социалистический формализм*», в котором исследователь предложил перспективы

⁶ <https://www.hoover.org/library-archives/collections>

* Обзор подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00394 ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»

сопоставления формальной теории с марксистской аналитической оптикой в противовес доминирующей традиции противопоставлять их. Видение и узнавание (прием остранения и процесс автоматизации ОПОЯЗа) могут быть переописаны в терминах политэкономии как отношение между потребительской и меновой стоимостью товара. Как чувственную форму предмета подменяет товарная форма, и он приобретает абстрактный характер, так же, согласно Шкловскому, в практической коммуникации слово может утрачивать свои качественные признаки, исполняя лишь социальные функции. Автоматизация (предполагающая замещение вещей узнаваемыми контурами и утрату чувственного восприятия) структурно гомологична идее Маркса о качественной взаимозаменяемости товаров. Инфляция восприятия — потребление товарного эквивалента вещи — приводит к симулятивному, ущербному производству вещи, созданию не самих вещей, а узнаваемых знаков вещей (по Марксу, предмет всего лишь знак, символ производственных отношений, знак своей собственной стоимости; у Шкловского вещи, замененные словами, не существуют).

В завершение выступления докладчик снова оговорил, что доклад не стремится обозначить политэкономия источником формализма, а просто намечает некоторые общие векторы. Посредником между марксизмом и формализмом является Б. Брехт с его теорией эпического театра и очуждением (аналитической и критической дистанцией по отношению к реальности и к самому художественному материалу), осуществивший синтез эстетической теории и социальной критики.

Евгений Добренко (Венецианский университет, Италия) предложил докладчику сопоставить понятие закономерности, которым оперируют формалисты (в частности, говоря о том, что развитие стиля и жанра происходит по некоторым законам), с категорией закономерности у Маркса. Докладчик подчеркнул, что закономерность присуща и формализму, и марксизму в той же мере, в которой она присуща научному знанию вообще, однако в марксистской логике исторический процесс имеет четкую цель, а в формализме мы не говорим о стремлении к «абсолютному произведению литературы». Различая марксизм и «некое марксистское знание, разлитое по стране» и не всегда соответствующее настоящему марксизму, Калинин констатировал, что формализм неосознанно оказывается ближе к настоящему марксизму, чем к тому, с помощью которого опоязовцев «побивали» во второй половине 1920-х годов их марксистские оппоненты. Если читать формалистов внимательнее, то Троцкий мог бы обнаружить в них союзников, а не врагов, которых нужно разгромить, — заключил Калинин.

Следующим взял слово *Андрей Майданский* (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), его доклад назывался «*Логика вещей*» против «*логики мифа*» в искусстве: принцип реализма в эстетике *Михаила Лифшица*. Майданский начал с погружения слушателей в философию Лифшица: художественное творчество, как и религия, имеет своим первоисточком мифологию, утверждал теоретик. В произведении искусства миф умирает и воскресает уже как образ реальности, истины, «высокого человеческого смысла». Новое искусство движется в обратном направлении, удаляясь от реальности и создавая «современную мифологию». В этом его родство с массовыми политическими движениями XX века: модернизм есть «искусство толпы, управляемой посредством внушения, способной бежать за колесницей цезаря». Подлинное же искусство реалистично: оно отображает природу самих вещей, черпая идеальное в реальной жизни, а не в слепой коллективной воле и темных углах индивидуальной психики.

Майданский прослеживает родословную лифшицевского принципа реализма: от «реализма» средневековых схоластиков и Гегеля, реалистической эстетики Бе-

линского — до Марковского понятия искусства как выражения «природной истины» (Naturwahrheit) эпохи. Однако эстетический взгляд Лифшица на историю как драму идей и страстей не имеет ничего общего с развитым у Маркса материалистическим пониманием истории — заключил Майданский.

По окончании доклада выступила *Наталья Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва) с репликой о том, что ввиду полного отсутствия в сообщении дат все выглядит так, будто концепция Лифшица была самостоятельной, при этом уже в начале 1930-х годов многие идеи о реализме изложил в своих работах Георг (Дьёрдь) Лукач, поэтому было бы очень интересно выяснить, кто на кого повлиял. Докладчик ответил, что установить это сложно, поскольку Лукач и Лифшиц работали в тесной спайке, в Институте Маркса — Энгельса — Ленина сидели в одном подвале, вместе трудились в «Литературном критике». В 1930-х годах у Лукача еще не было теории критического реализма, она созревала именно в содружестве с Лифшицем. Со словами Корниенко о том, что Лифшиц сам отмежевался от Лукача, Майданский не согласился — Лифшиц, напротив, его поддерживал, о чем свидетельствует в числе прочего их переписка.

О журнале «Литературный критик», уже упомянутом в ходе дискуссии по итогам предыдущего выступления, продолжил говорить *Александр Дмитриев* (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*“Литературный критик” как испытательный полигон марксистской эстетики 1930-х*». Несмотря на то что в заглавии фигурировали 1930-е годы, докладчик пообещал коснуться и 1960-х годов для представления более полной картины, которая сводилась не только к литературному контексту, но и к философско-теоретическому и политическому.

«Литературный критик» противопоставил свою платформу овладению «методом диалектического материализма» времен журнала «На литературном посту», издание которого было прекращено вместе с роспуском Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в 1932 году. На место рапповской пары «идеология — стиль» (художественное творчество и литературный стиль должны были быть безоговорочно подчинены идеологии, писатель воспроизводил только идеи своего класса, единый стиль был призван отражать коллективные искания пролетарской литературы) круг «Литературного критика» (П.Ф. Юдин и М.М. Розенталь) поставил пару «мировоззрение — метод». Понятие «метод» скорее относилось к художественной составляющей творчества, которая не была столь тесно связана с идеологией и являлась противоположностью идеям «вульгарного социологизма» налитпостовцев¹. «Мировоззрение» же намечало общий вектор творческого пути автора, который формировался в том числе в процессе соприкосновения с действительностью. Философское осмысление мировоззрения станет магистральной проблемой — собственная мировоззренческая составляющая была необходима марксистской теории.

Докладчик рассмотрел деятельность М. Лифшица, его младших коллег А. Выгодского, Г. Фридендера, их занятия теоретическими штудиями, а также проследил динамику изменений рецепции мировоззренческой теории Лифшица в 1940—1950-е годы. Отдельно Дмитриев отметил вклад в изучение мировоззренческих поисков Лифшица — Лукача, переработку и пересмотр этой теории и ее включение в категориальный аппарат советской эстетики ученых из Института мировой литературы им. А.М. Горького.

По окончании сообщения Корниенко поинтересовалась, почему, по мнению докладчика, Андрей Платонов пришел в «Литературный критик». На это Дмит-

1 Налитпостовцы — группа литераторов, объединившихся вокруг журнала «На литературном посту» (1926—1932), критико-теоретического органа РАПП.

риев ответил, что, на его взгляд, более человечески-дружественный круг сблизил писателя именно с «Литературным критиком», а не с авербаховцами, так как, возможно, его привлекала пролетарская идейность и свобода.

Первую сессию закрывал *Крэг Брэнди́ст* из Университета Шеффилда (Великобритания) докладом «*Вклад Алексея Баранникова в изучение новоиндийской литературы в сталинскую эпоху*», в котором был представлен обзор научного пути советского индолога и его творческая эволюция. Противопоставив свои штудии главенствующему в СССР изучению классической индологии, А. Баранников начал развивать новоиндийскую филологию, создал новоиндийский кабинет в Институте востоковедения в Ленинграде.

Опираясь на основные труды Баранникова в области филологии, Брэнди́ст охарактеризовал его литературоведческие работы, выделив те положения, которые вписываются в сталинский контекст: так, например, в произведениях средневекового поэта Тулсидаса, писавшего на хинди, Баранников проследил идеологические мотивы и отметил, что индийский автор предвосхитил социалистический реализм, создав прогрессивные для того времени произведения. Баранников поспособствовал новому прочтению образа Кришны, указав на его фольклорное происхождение, социальный статус, борьбу с кастовой системой. Докладчик представил творчество А. Баранникова в его связи с биографией автора (от рубежа 1920—1930-х, через годы Большого террора, когда большинство коллег-индологов Баранникова были репрессированы, и заканчивая послевоенным периодом). Брэнди́ст завершил свой доклад тезисом о том, что наследие Баранникова требует более пристального внимания и пересмотра, особенно в контексте институциональной истории и формирования национальных литератур как таковых и способов их изучения.

Вечернее заседание, посвященное институциональным измерениям ранней советской литературы, открыл доклад *Вагифа Гусейнова* (МГХПА им. Строганова, Москва) «*Роль литературных организаций 1920—1930-х годов в утверждении нового языкового стандарта*». Докладчик рассмотрел различные дискурсивные практики, бытовавшие в ячейках Ассоциации пролетарских писателей (АПП) как форму «разрыва с символическим языковым капиталом дореволюционной России». Массовость как принципиально новая черта АПП требовала выработки институционального языка как механизма управления и подавления, языка мировоззренческого единomyслия, наделенного ценностями революционного авангарда (Гусейнов упомянул в числе характеристик нового языкового стандарта изобилие заимствований, переименование учреждений, аббревиатуры, легализацию вульгаризмов и жаргона и др.). Выработка такого языка ставила перед собой задачу завоевания доверия масс.

Областью разрыва с традиционным языком стали словарь литературной критики, создание лозунгов, сосредоточивших в себе языковую политику времени («Не попутчик, а союзник или враг»). На лингвистическом уровне закреплялись новые ценности (Гусейнов приводит примеры словарных единиц, которые давались с пометами, определявшими коннотацию слова). Эта работа началась с первых же дней существования АПП и оттеснила на второй план все остальные вопросы, в том числе вопросы эстетические: любой спор, любая дискуссия в конечном счете были спорами о словах, о выборе правильной номинации и правильного референциального аппарата.

По окончании сообщения развернулась дискуссия, которая, по сути, имела один вектор, заданный еще докладчиком: заключительная фраза выступления проблематизировала ту новую языковую реальность, которая, как могло показаться, внедрялась практически повсеместно. Однако — докладчик привел в пример письма читателей к Шолохову — были люди, свободные от навязанных языковых стандар-

тов, а значит, вопрос не был столь однозначен и прост. Аудитория продолжила тему соотношения этих новых дискурсивных практик с реальной жизнью. Добренко отметил существенные различия между языком стенограмм масштабных собраний в литературных организациях и совещаний «в узких кругах». Если дискуссии, на которых присутствовала более широкая аудитория, все же были разбавлены живым языком, то на закрытых заседаниях, где «концентрация авербахов зашкаливает», люди говорили практически на партийном сленге (при этом будучи литераторами!). Гусейнов добавил, что участники этих обсуждений, ведущие споры на бюрократическом языке, воспринимали все происходящее под одним углом зрения — классовой борьбы и победы мировой революции. Добренко продолжил: нередко по недоразумению мы рассматриваем огромное количество деятелей советской литературы как литераторов, коими они не являлись. Они сами себя рассматривали как партийных работников, «брошенных на литературу» (этот тезис еще не раз прозвучит в ходе конференции. — В.П.). Массовое уничтожение этих функционеров в 1930-х годах было связано как раз с тем, что Сталин и партийное руководство не рассматривали политических чиновников как специалистов и без жалости уничтожали их как отработанный материал.

Анастасия Сысоева (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) начала свой доклад «*Искусство ради войны: наступление ЛБО ЛОКАФ на литературном фронте*» с рассказа о появлении термина «оборонная литература», которым называлась литература военной тематики, отражавшая и легитимизировавшая внешнюю политику Советского государства. Во второй половине 1920-х годов (после XIV съезда Всесоюзной коммунистической партии в декабре 1925 года) наметился сдвиг в партийной риторике: идея мировой революции перестала быть центральной, а на первый план вышла борьба за победу социалистического строительства в СССР и защита пролетарского государства. Как следствие, утверждалась идея о том, что вся литература должна быть пронизана идеей угрожающей военной опасности.

Термин «оборонная литература» ввел теоретик и идеолог Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) Н.Г. Свириин, он же обосновал ее утилитарность и зависимость от социального заказа. Во время третьей конференции Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП) Свириин выступил от лица объединенной военной делегации красноармейцев и краснофлотцев с тезисами, значимыми для двух организаций, «Литературного фронта» и ЛОКАФ. Возможно, оппозиционность ЛОКАФ налитпостовцам повлияла на отношение к «попутчикам»: попутчика не отвергали, его стремились перевоспитать в пролетарского писателя. Деятельность ЛОКАФ имела военный характер (его руководители осуществляли литературную работу по военной линии), была нацелена на максимальный охват и читательской аудитории, и писателей. Члены объединения утверждали, что вся советская литература должна быть посвящена вопросам обороны. В 1932 году организация была расформирована вслед за Постановлением Политбюро о перестройке литературно-художественных организаций.

Сысоева в своем выступлении выделила деятельность троих участников ЛОКАФ: Н. Свирина, В. Вишневого, А. Дмитриева, — что и обусловило вопрос *Дарьи Московской* (ИМЛИ РАН, Москва): можно ли говорить о самостоятельной критической школе ЛОКАФ и ее независимости от РАПП? По мнению докладчицы, критическая школа ЛОКАФ действительно являлась самобытной школой, включавшей в себя разные кадры, издание журнала «Залп». Несмотря на то что в докладе цитировался в основном Свириин, в ЛОКАФ были и другие авторы. С этим утверждением поспорил Добренко, утверждавший, что все критики вокруг ЛОКАФ — это «Свириин в разных лицах» (как в пролетарской литературе — Авербах). Именно в этот период — продолжил Добренко — создаются институции, в которых весь нарратив опре-

деляют несколько критиков. В ЛОКАФ, в крестьянской и пролетарской литературе критики занимали ведущие организационные и институциональные роли.

Наталья Примочкина (ИМЛИ РАН, Москва) предварила свой доклад «*Максим Горький и РАПП*» пояснением, что подробнее осветить сюжет взаимодействия писателя с РАПП она решила после прочтения статьи Катерины Кларк «РАПП и институализация советского культурного поля в 1920-х — начале 1930-х годов»². Высказанные в статье положения о нежелании рапповцев признать Горького пролетарским писателем до 1928 года (его аттестовали как писателя мелкобуржуазного) и о причинах роспуска РАПП возражений со стороны докладчицы не вызвали. Однако тезисы о важной роли выступления А. Фадеева в защиту Горького в 1928 году как факторе формирования его успешной литературной карьеры, а также недостаточное разграничение положения рапповцев в 1928 и 1932 годах потребовали уточнения.

После приезда в Россию в 1928 году М. Горький начинает сотрудничество с РАПП. Осенью 1931 года, когда внутри РАПП назревает раскол, писатель становится на сторону Авербаха, а в 1932 году, после апрельского постановления, положившего конец гегемонии РАПП в литературе, не принимает идею ликвидации организации. Примочкина приводит примеры выступлений Горького в защиту авербаховцев (включая письмо Сталину), что отчасти способствует их включению в 1932 году в комитет по организации съезда советских писателей. После новой критики в адрес бывших рапповцев (когда Горький практически возненавидел Фадеева) и очередных коллизий между ними самими, Горький до конца жизни поддерживал Авербаха, обеспечивал его литературной работой (например, выхлопотал у Сталина согласие назначить бывшего руководителя РАПП секретарем книжной серии «История фабрик и заводов» в издательстве «Федерация»). Докладчица завершила свое выступление уверенным выводом: хотя может показаться, что Горький после постановления ЦК стал поддерживать другую линию (если раньше он боролся с засильем рапповцев, то после встал на их защиту), в действительности он стремился к повышению качества социалистического искусства и обретению сталинским социализмом «более культурного облика». Писатели-партийцы, сменившие рапповцев «на литературном посту» и установившие более жесткий контроль над литературой, стали объектом горьковской критики.

Заключение доклада прозвучало убедительно, но фигура Горького не могла оставить слушателей равнодушными. Энергично выступил Добренко: практически все авербаховцы стали лидерами будущего Союза писателей, однако Горький поддерживал именно Авербаха! Какие же причины у нормального человека поддерживать Авербаха? Источник — настаивал Добренко — в личных симпатиях и родственных связях. Как говорил Фамусов: «Ну, как не порадеть родному человечку!» Все дело в том — продолжал Добренко, — что Авербах был главным литературным чиновником; эффективным менеджером, как бы сейчас сказали. А Максим Горький — это советская литературная институция. Там цеха, там столько проектов, и там нужны были люди, а Авербах был прекрасный инженер. Корниенко напомнила о том, что в публицистике 1930-х годов Горький, статьи которого в то время были руководящими, писал «как рапповец» о литературе, о новом человеке. Не успела докладчица согласиться, что после сближения с авербаховцами Горький стал исповедовать ту же идеологию, как Добренко продолжил: он примерял на себя роль, которую на него навесили, и едва ли с большим энтузиазмом. Он все видел,

2 Кларк К. РАПП и институализация советского культурного поля в 1920-х — начале 1930-х годов // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 209—224.

но был человеком творческим и говорил то, что от него ждали. Здесь Примочкина взяла слово и напомнила о работе Б.М. Парамонова «Горький, белое пятно», где речь шла именно о том, что Алексей Максимович писал свою публицистику, а потом, как «диабетик к инсулину», бежал к «Жизни Клим Самгина» — мрачному произведению, и так выражал глубинные переживания души. «Это была трагедия, и это был не Авербах и не рапповцы, а Горький все-таки писатель великий», — заключила докладчица. Добренко с этими словами согласился и предложил на этой прекрасной ноте завершить первый день конференции.

Второй день конференции был посвящен институциональной истории советских литературных организаций. Заседание открыл доклад *Ольги Быстровой* (ИМЛИ РАН, Москва) «*Российская ассоциация пролетарских писателей: организационная составляющая*», посвященный уставу организации. Выступление было выстроено хронологически, выявлены вехи в разработке устава: сначала Быстрова обратилась к Уставу Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП) от 23 июня 1921 года и его корректировке 4 февраля 1928 года. РАПП как преемник ВАПП в своем уставе намечал схожие цели и положения — некоторые из них Быстрова обозначила в своем выступлении наряду с различиями³.

В 1930 году РАПП создает свою версию Устава, в основе которой концепция неразрывной связи РАПП с деятельностью ЦК ВКП(б): единая линия прослеживалась и в общем руководящем принципе — демократическом централизме, и в автономии в решении вопросов. Кроме того, Быстрова подчеркнула, что к 1931 году это коснулось и «кадровых» вопросов — Авербах был избран ответственным секретарем РАПП (аналогично генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину) — и даже в качестве предположения прозвучало, что за глаза Сталина называли «хозяином», а Авербаха — «князем». К 1930 году РАПП представлял собой прообраз единого Союза советских писателей, а руководство РАПП являло собой когорту партийных чиновников. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) («Практические мероприятия по проведению в жизнь решения ПБ “О перестройке организации писателей”») подняло вопрос об использовании организационной структуры ликвидированной РАПП в оргкомитете Союза писателей.

Во время дискуссии выявление «общих мест» в организационной структуре литературной институции и партии продолжилось: Корниенко провела параллель между внутрипартийной борьбой второй половины 1920-х — 1932 годом и расколом в РАПП (докладчица пояснила, что намеренно опустила этот сюжет для экономии времени). Обсудили дискуссионты и целесообразность привлечения воспоминаний В.А. Сутырина и В.Я. Кирпотина. Корниенко полагает, что попавшие в мемуары примеры не могут служить иллюстрацией к докладу, поскольку требуют корректировки и никак не относятся к тому, что действительно происходило в 1920—1930-е годы. Быстрова аргументированно ответила, что воспоминания были призваны, к примеру, доказать, что те же рапповцы работали в литературе как «подневольные партийные люди» (Корниенко энергично возразила, что подневольными они себя не чувствовали!), которые трудились там, куда их назначили сверху.

Последним высказался Добренко — он отметил, что ему понравилось, как докладчица проблематизировала понятие «ропуск РАПП»: ведь в постановлении ЦК говорится о «ропуске РАПП» не для того, чтобы описать какую-то реальность, а для того, чтобы эту реальность скрыть, это был эвфемизм. А реальность состояла

3 Теоретические положения институциональной истории литературных организаций 1920—1930-х годов был рассмотрены в статье: *Быстрова О.В.* Литературная хроника: к проблеме институционального описания деятельности литературной организации // Филологические науки. 2021. № 6. С. 127—133.

в том, что РАПП продемонстрировал на протяжении десятилетия свою эффективность как инструмент контроля и руководства литературным процессом. Сталин просто перенес ту же структуру на всю литературу. Союз советских писателей – это все то же самое, с партийной секцией, которая подчиняется ЦК, где публика голосует сегодня за решения, принятые вчера на партячейке (в ЦК же за них голосовали позавчера). Эти люди и руководили потом советской литературой до смерти Сталина. «Те же люди, просто назывались иначе», — заключил Добренко.

В начале своего выступления «История саратовской ячейки Ассоциации пролетарских писателей» Анна Хрусталева (Саратовский государственный университет) остановилась на специфике изучения литературной истории региональных отделений РАПП. Эти ассоциации существовали, как правило, в условиях небольшого бюджета регионов, недостаточного для проведения инициатив, медленного документооборота и несинхронной коммуникации с центром, а также дефицита кадров или не столь высокой их компетентности. Кроме того, отличались и принципы издания книг⁴: с одной стороны, провинциальные книги были менее востребованы, а с другой — существовали способы «обхода» цензуры (которая и так на несколько лет позже пришла в Саратовскую губернию), возможности напечатать произведения без визы вышестоящих лиц. Изучение саратовского отделения ассоциации (САПП) свидетельствует и о ряде фальсификаций деталей существования организации, которые провинция представляла в главную контору РАПП в Москве.

В своем выступлении Хрусталева прослеживает основные этапы работы САПП: ее появление в 1924 году (здесь, кстати, также не обошлось без «мифотворчества» — в некоторых документах фигурировал 1923 год); нерегулярные внутренние «собрания» в 1924—1926 годах; активный рост численности участников в 1927 году («совпавший» с роспуском саратовского Пролеткульта); кризис и расслоение, конфликты локального уровня в 1928—1929 годах и прекращение существования РАПП. Значительное влияние на становление САПП оказала деятельность профессионального революционера, представителя радикального крыла «напостовцев» Г. Лелевича, осуществлявшего активную пропаганду⁵. Докладчица заметила, что в 1924—1929 годах в саратовском отделении ассоциации сборники не издавались и литературные произведения выходили разрозненно, и лишь в 1929 г. в виде брошюры был напечатан обзор деятельности организации.

В завершение своего сообщения Хрусталева очертила дальнейший фронт работ в разработке темы: установление социально-профессионального состава САПП, подготовка биографических справок ее членов сможет дать более полное представление о процессах, происходящих в отделении, поможет определить причины роста организации в 1927 году (механически ли был присоединен Пролеткульт? все ли его участники вошли в САПП? какова была расстановка сил в ассоциации? как убывающая численность саратовского рабочего населения влияла на состав организации? и т.д.). Дискуссия дополнила перечень вопросов, требующих ответа: в частности, Дарья Московская предложила рассмотрение истории САПП в более тесной связи с руководящим центром в Москве, а Корниенко обратила внимание на перспективность изучения откликов саратовских рапповцев на фигуру их земляка — писателя К.А. Федина.

4 См. об этом: Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 392—411.

5 См. подробнее об этом: Хрусталева А.В. Г. Лелевич в Саратове. Из хроники саратовской литературной жизни 1926—1928 гг. // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 380—393. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-380-393>.

К проблеме взаимодействия институциональности и творческой самобытности литературного объединения обратилась в своем докладе «*Литературная группа «Кузница»: история, эстетическая платформа, художественная практика*» Анастасия Гачева (ИМЛИ РАН, Москва). Сначала аудитория погрузилась в подробности выхода группы поэтов будущей «Кузницы» из Пролеткульта: заручившись поддержкой Луначарского, они создали секцию пролетарских писателей при литературном отделе в Наркомпросе и принялись готовить съезд пролетарских писателей (который состоялся в мае 1920 года в формате совещания). Его кульминацией стала полемика между «кузнецами»-раскольниками и А.А. Богдановым. Идеолог Пролеткульта выступал за классическую простоту в поэзии и аскетизм в области формы, а также коллективное пролетарское творчество, в то время как «Кузница», хоть и не отвергая жизнестроительный и общественный пафос выступления Богданова, ратовала за создание живой поэзии, «вкованной» в оригинальные поэтические формы. Докладчица показала, как поэты-«кузнецы» в своей деятельности синтезировали собственные взгляды и критику Богданова и изложила ключевые характеристики их художественного творчества. В докладе также прослеживается тесная связь «кузнецов» с Пролеткультом (журнал «Кузница» и в оформлении, и в содержании сохранял ряд пролеткультовских черт, а поэтические сборники В. Кириллова, М. Герасимова и И. Филипченко 1920-х годов включали в себя и стихи «пролеткультовского» периода).

Говоря об эстетической платформе литературной группы, Гачева на протяжении всего сообщения подчеркивала, как преломляются в творчестве поэтов «Кузницы» идеи пролетарского творчества (необходимость образного, «пролетарского» мышления без уклона в имажизм; реализация постулата, гласящего, что ритм — рычаг произведения и сама жизнь, но нахождение истоков ритма — в труде; представление о том, что отражение действительности в литературе должно преобразовать и пересоздавать жизнь, и т.п.). И даже в середине 1921 года, когда журнал «Кузница» становится центральным органом ВАПП, а значит, институциональным журналом, в нем сохраняется личная и интимная атмосфера кружка поэтов. Поскольку доклад Гачевой был практически полностью посвящен первому этапу существования объединения, дальнейшее развитие «Кузницы» было представлено весьма схематично: внутренние разногласия в 1921—1922 годах, выход С. Родова и последовавшая за ним травля группы. В качестве финального тезиса доклада было обозначено, что именно стремление участников «Кузницы» на первоначальном этапе удерживать ведущие позиции в руководстве пролетарской культурой оказалось для них губительным.

На вечернем заседании состоялся пленарный доклад *Катерины Кларк* (Йельский университет, США) — одного из ведущих историков советской литературы и культуры 1920—1930-х годов, автора известных работ «Советский роман: История как ритуал» (1981), «Петербург, горнило культурной революции» (1995), «Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры» (2011) и многих других. Свое выступление «*Национальное и интернациональное: институции и теории*» Кларк начала с разговора о Первом съезде народов Востока, организованном большевиками и Коминтерном в 1920 году в Баку, на открытии которого речь пошла об объединении всех народов, говорящих на разных языках, в один пролетарский народ; о переплетении индивидуальных стилей, языков и литератур в единое интернациональное гуманитарное знание.

Европейские имперские модели (римская и британская) могли бы стать ориентиром для советского культурного строительства (советскому имперскому проекту формирования национальных литератур Евгений Добренко посвятил свой доклад в третий день конференции. — В.П.), однако Кларк освещает институциональную

историю формирования именно литератур Центральной Азии, что подразумевало создание единого культурного пространства, которое преодолеvalo бы национальные различия во имя антикапиталистической, антиимпериалистической и антифашистской эстетики. Важную роль в его становлении сыграл Первый съезд советских писателей (1934).

Новая литературная традиция и установки социалистического реализма, которые должны были усвоить писатели Центральной Азии, предполагали принципиальное изменение курса (эта работа велась до 1934 года — Кларк приводит в пример конкурсы на лучшие романы или драматические произведения, проводимые Наркомпросом в 1933 году, которые являли собой модели для других авторов). Важную роль в формировании интернационального проекта сыграли фольклор и национальный эпос. О главенствующей позиции фольклора говорил М. Горький в своем докладе на Первом съезде советских писателей: фольклор — устное творчество *трудового* народа; его задачи близки устремлениям советской литературы. Идеологически правильный вектор фольклора должен был привести к созданию новой традиции, описанной новым языком, коллективное творчество призвано было стать источником знания.

Кларк прослеживает, как постепенно национальные литературы становятся частью официальной советской культуры, формируются секции по изучению национальных литератур в Академии наук СССР, начинают издаваться журналы «Дружба народов» и «Советский фольклор». Эта динамика очерчивается как в национальном (на примере конкретных литератур, например таджикской), так и в интернациональном измерениях; представлен очень сложный, многоуровневый взгляд на вопрос создания проекта «интернациональной» — или «мировой» и даже «всемирной» — литературы, где метод социалистического реализма становится кульминацией литературного процесса. Доклад, по сути своей, можно считать своеобразной презентацией новой книги Кларк (о чем докладчица, кстати, не упомянула), вышедшей в ноябре 2021 года⁶.

Обсуждение доклада коснулось разграничения терминов «национальный» и «националистический»: если в 1920-х годах слово «национальный» могло восприниматься крайне негативно (если не профашистски), то к 1930-м годам и к моменту утверждения проекта национальных литератур оно стало «естественной» составляющей литературного процесса.

Третий день конференции был посвящен институциональной консолидации советской литературы. Заседание открыл доклад *Дарьи Московской «ФОСП — московское и ленинградское отделения — первая неудавшаяся попытка создания писательского союза нового типа»*, где на новых архивных материалах была рассмотрена история Федерации объединений советских писателей (ФОСП) как раннего опыта объединения писательских союзов. ФОСП был порожден двойственностью политического курса ЦК в отношении пролетарских и попутнических группировок, и Федерация была использована Ассоциацией пролетарских писателей для уничтожения противников, манипуляции Отделом печати ЦК и получения материальных выгод⁷. В качестве иллюстрации этих процессов докладчица реконструировала сюжет о переходе артели «Круг» в издательство «Федерация», про-

6 Clark K. *Eurasia without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*. Harvard University Press, 2021.

7 Подробнее об этом см.: *Московская Д.С.* Федерация объединений советских писателей как модель литературного процесса 1926–1932 гг. — организационная, финансовая, идеологическая и эстетическая составляющие (по архивным первоисточникам из Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // *Филологические науки*. 2020. № 6. С. 135–145.

следила историю ленинградской секции ФОСП (от ее создания в 1927 году к обвинениям в групповщине и в отсутствии партийной работы и, как следствие, роспуску секции и созданию комиссии по чистке)⁸.

Создание ФОСП отвечало ситуации НЭПа, для которой была характерна неясность вопроса, чью сторону — попутчиков или пролетарских писателей — возьмет Политбюро ЦК. ФОСП был инициирован попутчиками, но создан пролетарской Ассоциацией, для которой организация ФОСП оказалась хитрым способом одним махом решить две стратегические задачи: во-первых, привести к власти новых молодых партийных функционеров — Л. Авербаха, Вл. Киршона и др. — и, во-вторых, окончательно разрушить «Воронский Карфаген» — доминирование на издательском рынке попутчиков. Парадоксальным образом, уничтожая конкуренцию попутчиков, сделав крен на идеологию и социальный заказ против таланта и рыночной стоимости, пролетарская Ассоциация уготовила себе гибель: существование института литературы к началу второй пятилетки, к 1932 году, оказалось в прямой зависимости от характера взаимоотношений с единственным контрагентом — государством, с которым писатели заключали трудовые соглашения. Финансово-юридическая основа этих отношений была несовместима с творческой деятельностью, так как сводила художественную конкуренцию к борьбе за близость к заказчику, что, в свою очередь, создавало условия для победы антиэстетических тенденций и инициатив. Успешный в этих новых отношениях писатель становился чиновником на службе у государства.

Архетипически Федерация напоминала будущий Союз писателей, с чем был связан вопрос Добренко о сходствах и различиях ФОСП и Союза писателей. С идеей повторяемости, некой «матрешки», Московская согласилась, обозначив, что большинство литературных практик, отрабатывающихся именно РАППом в ФОСП, затем легли в основу работы будущего Союза советских писателей. ФОСП был ранней попыткой создать Союз писателей, попыткой неудачной, так как в условиях рыночной экономики реализовать себя как собственно союз писателей Федерация не могла: она финансировалась Наркомпросом, и средства весьма несправедливо распределялись между конкурирующими попутническими и пролетарскими членами, что было невозможно в руководимом из Политбюро Союзе советских писателей, созданном в 1934 году, — заметила Московская.

Основной акцент именно на издательстве «Федерация», сделанный в выступлении, несколько смутил Корниенко, которая напомнила о существовании огромных издательств: Госиздата, «Молодой гвардии» и других, — в которых, по мнению Корниенко, не было победы антиэстетических тенденций, как в ФОСП, и политика партии раскрывалась иначе. Московская подчеркнула, что идеологическая борьба и финансовая конкуренция между главной конторой Госиздата в Москве и Ленигизом типологически повторяет борьбу внутри издательства «Федерация» и его стремление поглотить артель «Круг» и «Никитинские субботники», чем и объясняется выбор. Корниенко, вернувшись к теме политики партии в литературе, подчеркнула сдвиг в ее оценке (в годы советской власти она считалась правильной и эффективной). Безусловно, есть целый ряд положительных сторон этой политики: ликбезы, повышение культурного уровня масс, — подытожила Московская.

О совсем ином проявлении федеративного принципа институционализации литературы в докладе *«Рождение советской многонациональной литературы: от истории литературных институций к институциональной истории лите-*

8 Об этапах создания пролетарской литературы как корпорации см.: *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 171. С. 80—93.

ратуры» говорил Евгений Добренко, сосредоточив свое внимание на формальности провозглашения автономии республик и национальных литератур в составе федерации под предлогом создания «единого фронта пролетарской литературы», что в действительности означало не что иное, как проведение реализации имперского проекта советской власти с центром в Москве. Хотя рождение и инаугурация многонациональной литературы приписываются съезду писателей в 1934 году, сам проект возникает еще в «лихие» 1920-е годы. Добренко обращается к материалам Всесоюзного совещания пролетарских писателей (январь 1925 года) и Всесоюзного съезда пролетарских писателей (апрель — май 1928 года), вскрывая общие механизмы их работы в отношении национальных литератур. В ходе обсуждения представители республик, утверждая, что у национальных литератур собственные пути развития, отказывались не только входить во всесоюзную структуру, но и вообще создавать руководящий центр (добавим, что у них имелся опыт неоднократных попыток со стороны Москвы создать федерации в республиках и «захватнические» акции *in situ*). В докладе рассматривались следствия создания единой организации: некомпетентное, сугубо бюрократическое руководство национальными литературами со стороны ВАПП, а затем РАПП; достижение политической и культурной гегемонии в области литературы, невежество в отношении национальных литератур (раповцы не вникали в суть национальных вопросов, не знали языков и т.д.).

После роспуска РАПП пропагандистски важный проект многонациональной литературы было крайне невыгодно связывать с 1920-ми годами. Обращение к этим практикам тщательно скрывалось или искажалось, однако именно «лабораторные испытания» национального литературного строительства 1920-х и созданная раповцами партийно-бюрократическая модель руководства с ее псевдоинтернациональным пафосом были успешно использованы Сталиным при создании Союза писателей в 1934 году.

Доклад вызвал плодотворную и увлекательную дискуссию: Корниенко упомянула борьбу с великодержавным шовинизмом 1920-х как одну из важнейших партийных задач и подняла вопрос о существовании русского национализма в РАПП. Докладчик вновь подчеркнул, что раповцы обращались к имперским практикам, и это никак не было связано с их русским национализмом — более того, РАПП (как российская ассоциация) эмансипировался лишь тогда, когда провалилась попытка объединить литераторов республик. Кроме того, риторику нужно отличать от политической практики — добавил Добренко в ответ на реплику Корниенко о том, что Авербах и РАПП «говорили то, что сказала им партия», — а реальная практика состояла в том, что «всех пытались загнать» в единый союз. Сошлись диспутанты на том, что партийные работники ассоциаций в республиках — «местные авербахи» — хотели власти и не желали подчиняться никакому центру.

Дарья Московская коснулась национальной темы в контексте критики газетой «Правда» Демьяна Бедного за его фельетонные стихи «Слезай с печки», высмеивающие русский народ, что противоречит тезису о том, что русского национализма нет. По мнению Добренко, противоречия не было: имперское строительство, шедшее полным ходом, «упаковывалось в интернационально марксистскую риторику». Отвечая на вопрос *Аллы Бурцевой* (независимый исследователь, Москва) о том, когда именно впервые заговорили о «создании» национальных литератур (до 1934 года или после), Добренко пояснил, что «создавать» национальную литературу в терминологии 1920—1930-х означало «вос-создавать», «институционализировать» (что, добавил докладчик, «на московской стороне» приравнивалось к сепаратистским, националистическим настроениям, и некоторые представители национальных литератур даже аттестовались как фашисты).

Завершал сессию доклад на тему «Трудности институционализации литературы: группы и групповщина в Союзе советских писателей» Кэрол Эни (Тринити-колледж, США). В начале своего выступления докладчица противопоставила институциональности концепцию *communitas* (см. теоретические работы В. Тернера, Б. Уокера), предполагающую «дух скромного эгалитаризма, сообщество людей, связанных между собой личными узами». Постепенная институционализация отдельных кружков и групп под предлогом уже выработанной единой эстетической и идеологической программы, усилившаяся к 1932 году, искореняла *communitas*. Реальной же причиной была необходимость уничтожить стойкую групповщину. Эни связывает обвинения в групповщине с *культурой стыда*, с помощью которой возможно было «преследовать и публично позорить жертв».

После «ропуска РАПП» в 1932 году культура стыда, по мнению докладчицы, продолжала существовать, но групповщина была институционализирована. Смысл существования враждующих кругов критиков заключался не в *communitas*, а в стремлении к власти. Эни рассматривает разные случаи групповщины на примере войны между «Литературным критиком» и Фадеевым — Ермиловым; а также деятельности группы ленинградских писателей, поддерживавших «кампанию за лирику» и отколовшихся от Союза писателей (их группа, по мнению Эни, была похожа на возрождение *communitas*). В 1948 году против Фадеева выступил новый глава Агитпропа ЦК Шепилов, используя в своей борьбе настроенных против руководителя Союза писателей либеральных театральных критиков. Восстание было подавлено, как уничтожались и другие частные группировки: узы *communitas* были заменены узами политической власти. В Союзе писателей групповщина была, и хотя она осуждалась и открытое инакомыслие было неприемлемым, советские писатели были едины в одном: они ненавидели Союз писателей, — заключила Эни.

С фактом противостояния группы театральных либеральных критиков соцреализму и их выступления против Фадеева не согласился Добренко. На его взгляд, театральные критики не были группой и это не пример групповщины, их объединил в качестве группы критиков-космополитов А.В. Софронов (секретарь Союза советских писателей), когда те — с подачи нового начальника Агитпропа Д.Т. Шепилова — придерживались антифадеевской линии. Корниенко заметила, что, говоря о Фадееве и Ермилове, нельзя забывать о Кирпотине, который «сам был готов бороться с «Литературным критиком»». Вернулась она и к сюжету о работе Платонова в журнале, вновь обозначив так и не решенный вопрос: кто кого использовал? В заключение участники конференции сошлись на том, что групповщина — константный элемент литературной жизни, в той или иной форме всегда существовавший и существующий.

Последнее заседание было посвящено презентации промежуточных результатов работы над проектом ««Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920—1930-х гг.»⁹, которую провела его руководитель, заместитель директора ИМЛИ РАН, заведующая Отделом рукописей Дарья Московская. Одной из важнейших задач проекта является оцифровка стенограмм ВАПП, МАПП, ВОАПП, РАПП, которыми располагает Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького. Д.С. Московская и участники проекта Р.Е. Клементьев и О.В. Романова очертили детали работы над цифровой базой, перспективы создания комментированных стенограмм и онлайн-поиска по ключевым словам. Д.С. Московская подчеркнула, что на первом плане остается необходимость уточнения имен, отчеств и биографических данных упоминаемых лиц, которые в стенограммах переданы с ошибками. В ходе работы выяснилась важная дополнительная функция ключевых слов в описании документа. Сначала

9 <http://stenogramma.imli.ru/>

участники проекта хотели ограничиться списком из 10–15 слов. Но в случае рассмотрения стенограмм на 150–300 страниц важных тем и предметов, которые должны отразить ключевые слова для гиперссылки, будет гораздо больше. В результате к ключевым были отнесены те слова и понятия, которые характеризуют важнейшие институциональные черты литературного процесса 1920–1930-х годов, такие как «кружковец», «селькор», «ЦК партии», «отдел печати», «библиотека», «производственники», «производственное произведение», «живой человек», «творческий метод», «одемянивание», «есенинщина». Они по-разному сочетаются в рамках каждой стенограммы и высвечивают главные темы не только дня, но того исторического момента, который переживали советские писатели. Это, по сути, лексикон истории советской литературы.

Подведение итогов очень плодотворных трех дней конференции состоялось в рамках круглого стола. Говоря о прошедшем мероприятии в целом и о проекте ««Стенограмма”: Политика и литература» в частности, Добренко подчеркнул, что именно для описания работы литературных институций советского бюрократического проекта крайне важен институциональный подход. Он подразумевает и выработку методологии, и изучение историко-литературного процесса во всей его полноте (включая архивные документы, журналы 1920–1930-х годов и т.д.). Цифровой архив «Стенограмма», создаваемый на базе Отдела рукописей ИМЛИ РАН, вносит существенный вклад в самый неизученный аспект литературного процесса СССР 1920–1930-х годов — историю советских институций.

Виктория Попова

**Международная конференция
«По ту сторону ностальгии: Способы переосмысления
позднего социализма в современных культурах
восточноевропейских стран»**

*(Берлинский центр литературных и культурных исследований
имени Лейбница, 11–12 ноября 2021 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_425

В 2001 году вышла книга русско-американской исследовательницы Светланы Бойм «Будущее ностальгии»¹, определившая ход дискуссии о проблемах, встающих в связи с попытками осмыслить эту историческую эмоцию далеко за пределами восточноевропейских исследований. Главная мысль книги: ностальгия может быть не только ретроспективной, но и проспективной, так как «тоска» по прошлому всегда подразумевает определенное видение будущего.

Для постсоциалистических обществ ностальгия была основной моделью интерпретации недавнего прошлого вплоть до 1989 года. Но остается ли она таковой в современности? Этому вопросу и была посвящена конференция «По ту сторону но-

1 Бойм С. Будущее ностальгии / Пер. с англ. А. Стругач. М.: Новое литературное обозрение, 2021.